

Уроки корейской истории XIX–XX веков для современной России

Тема моего доклада, возможно, покажется странной для Бердяевских чтений. Но я не философ и не востоковед. Я занимаюсь Кореей, преподавая в разных вузах востоковедной направленности историю этой страны в Новое и Новейшее время вот уже более десяти лет.

Это довольно драматичный период, куда входит и открытие страны, которая позднее других должна была ответить на вызов модернизации; и целая палитра попыток найти решение новых проблем; и колониальное закабаление Японией, чуть не превратившееся в утрату корейским народом своей национальной идентичности; и последующий раскол, когда на обеих половинах Корейского полуострова пытались найти правильный баланс между традицией и трансформацией.

Возможно, часть аудитории будет удивлена, но я напомним, что подавляющий отрыв Юга от Севера с формированием той картины, к которой мы привыкли, прошел только в конце 1970-х годов, и даже в этот период на полуострове существовало два авторитарных режима, общего между которыми было существенно больше, чем кажется. Практически все основные элементы конфуцианской политической культуры – иерархичность, коллективизм, меритократия, внимание к совершенствованию человеческой природы, приоритет морали над законом и т.п. – нашли свое отражение и в строительстве командно-административной системы на Севере, и в организации политической культуры на Юге.

И если убрать внешнее идеологическое различие, можно увидеть много общего и в методиках политической индоктринации, и в организации репрессивного аппарата, и даже в том, как каждая из Корей пыталась строить социализм или демократию с неперменной корейской спецификой, которой в данных моделях было гораздо больше, чем собственно социализма или демократии. Даже связанный в массовом сознании с Северной Кореей термин «чучхе» употреблялся и на Юге. Просто, затушевывая это сходство, мы переводили южнокорейское «чучхесон» как «национальный субъективизм», оставившийся, однако, государственной идеологией РК как раз в период решающего рывка корейского экономического чуда.

В развитии политической культуры корейских государств можно выделить три этапа, характерные как для КНДР, так и для РК. На первом этапе сформировавшиеся под влиянием своих «сюзеренов» корейские государства формально следовали той идеологии, в угоду которой они были созданы, хотя на самом деле шло простое заимствование институтов.

Асмолов Константин Валерианович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН, преподаватель Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: kvasm@mail.ru

На втором этапе традиционная политическая культура как бы абсорбировала внешние элементы, и от пришедшей извне идеологии остались только внешняя форма и некоторые социально-политические институты. Впрочем, если на Юге авторитаризм пытался в большей степени идти в ногу со временем, Север фактически вернулся к традиционной модели. С точки зрения «строительства антиутопии» северокорейская модель представляла собой не столько «ужасное будущее», сколько возвращение к традиционному прошлому.

На третьем этапе под влиянием изменившейся международной обстановки трансформироваться стала уже не внешняя надстройка, а традиционный базис: процесс пошел разными путями благодаря различному набору условий внешнего давления – постепенного истощения сил командно-административной системы на Севере, глобализации и расширения информационного поля – на Юге.

Как человек, болеющий за нашу страну и желающий ей богатства, счастья и процветания, я часто нахожу в сюжетах корейской истории множество поучительных уроков, которые, как мне кажется, могут оказаться интересными для присутствующей здесь аудитории. Эти уроки можно разбить на несколько групп.

Первый блок уроков – это история того, как традиционная Корея упустила свой модернизационный шанс, что сделало ее легкой добычей империалистических хищников. Это произошло по целому комплексу причин, отнюдь не только социально-экономического плана. Увы, но это хороший пример того, как правящая элита, озабоченная исключительно собственным благополучием и воспринимающая казну государства только как собственный карман, даже в условиях очевидной угрозы не имела желания осуществить модернизационный рывок как комплекс преобразований, слишком сильно угрожавший ее личному благополучию.

Конечно, двор много говорил о модернизации, но не предпринимал каких-либо серьезных шагов. Скорее эти лозунги использовались для того, чтобы отделить себя от более консервативно или более прогрессивно настроенных группировок. И потому официально провозглашенный в Новое время лозунг «Восточный путь – западная техника», предполагавший теоретически разумное заимствование технических инноваций при сохранении основных элементов традиционной культуры, не получил должного теоретического или методологического обоснования. Лагерь условных центристов стал убежищем тех, кто «колебался вместе с генеральной линией партии». Между тем расходы правящей семьи составляли до 40% бюджета страны, а корейский флот включал в себя 23 адмирала и один списанный лихтер – иных кораблей там не было.

Сюда же относится трагическое для Кореи отделение «патриотов» от «прогрессистов». Первые почти не представляли себе самостоятельное развитие страны без обращения лицом к корням, стремясь сделать внешние заимствования минимальными. Под влиянием конфуцианской политической культуры они связывали патриотизм и национальный суверенитет с безусловным следованием традиции, часто скатываясь на позиции ретроградов. Им казалось, что достаточно укрепить моральный дух, и страна сможет двигаться к процветанию без влияния внешнего мира и даже без заморских товаров.

Вторые (особенно на фоне вышеописанной политики двора) были настолько уверены в неспособности соотечественников самостоятельно провести модернизацию, что дискутировали в основном о том, под чьим патронажем и по чьему образцу она должна проходить. Никто из этих людей (вне зависимости от того к прорусской, прояпонской или проамериканской партии они относились), заметим, не был осознанным агентом влияния, работающим во вред своей стране и в пользу чужой. Нет, все они были искренне уверены в том, что

только внешние силы, за которыми будущее, способны навести здесь порядок. Если ставить во главу угла не суверенитет, а улучшение уровня жизни, то они не видели ничего плохого в протекторате: железной рукой погоним человечество к счастью. К тому же тогда еще было неочевидно, какие формы примет японское господство.

Как кажется автору, эта ситуация несколько коррелирует не только с противостоянием славянофилов и западников, но и с нынешним разделением демократов и патриотов, когда одни эволюционируют в сторону «патриотов чужой родины», а другие скатываются в фундаментализм.

Сюда же можно добавить и проблему фракционной борьбы, которая погубила не одно благое начинание, потому что лозунг «Если Евтушенко против колхозов, то я за колхозы» порочен сам по себе. Заметим, что ее высокий уровень был характерен не только для феодальной Кореи, но и для корейского коммунистического движения первой половины XX века, когда в рамках «противостояния оппортунистам» отнюдь не запрещалось бороться с идейными оппонентами посредством доносов в японскую тайную полицию или, если дело происходило на советской территории, в органы госбезопасности. В результате корейская компартия оказалась единственной исключенной из Коминтерна, или, если точнее, разогнанной Коминтерном.

Можно отчасти обратить внимание и на тогдашнюю систему международных отношений, в рамках которой аннексия страны не встретила сопротивления «цивилизованного сообщества». Господствовавшая тогда концепция легитимизма говорила о том, что если государство настолько слабо, что не может навести порядок на своей территории, то нет ничего плохого в том, что иностранные государства начинают внедряться в него и наводить там свои порядки, окончательно разрушая государственный суверенитет этой страны. Поэтому когда, выиграв Русско-японскую войну, основным итогом которой для Японии стал окончательный переход Кореи под ее сферу влияния, Страна восходящего солнца прибрала Корею к рукам, это не было воспринято как вопиющее нарушение международного права. Даже несмотря на то, что при этом были поправлены традиционные юридические нормы.

И сегодня, после распада биполярного мира, мы снова наблюдаем тенденцию, при которой «цивилизованное сообщество» может вмешиваться в дела государства, если оно «неправильно себя ведет» (как правило, совершает действия, объявляемые преступлениями против человечности). Протекторат или аннексия пока считаются моветоном, но свергнуть «неправильный» режим не возбраняется.

Второй блок уроков связан с развитием Республики Корея в 1960–1970-х годах. Главным общим моментом изменения политической культуры Российской Федерации и Республики Корея является переход от традиционного общества, которое теперь принято называть тоталитарным, к демократии европейского образца и «общечеловеческим ценностям». При этом в обоих случаях «тоталитарная» система находилась на излете и отчасти сама обеспечила относительно мирный и бескровный характер перехода, который не закончился до сих пор: несмотря на внешнюю вестернизацию, стереотипы традиционной политической культуры сидят достаточно крепко.

Главный источник опыта – модернизация страны в правление Пак Чжон Хи (1961–1979). Понятно, что в советское время генерал проходил в соответствующей литературе как кровавый диктатор и американская марионетка, однако в постсоветский период никто не пытался всерьез проанализировать то, как страна, которая в начале его правления находилась на уровне Нигерии и по сравнению с которой тогдашняя КНДР была динамично развивающимся аграрно-промышленным государством, к концу его правления приобрела все черты

той Южной Кореи, которую мы знаем теперь. Да, это был весьма авторитарный режим, и не случайно комплекс споров вокруг личности Пак Чжон Хи в современной Южной Корее во многом напоминает российские споры вокруг личности Сталина, с точки зрения соотношения результатов модернизационного рывка и цены, которая была за него заплачена, с точки зрения прав и свобод рядовых граждан.

Здесь я вынужден отметить, что даже современная Республика Корея отнюдь не является витриной демократии. Иногда в полемическом задоре, когда меня спрашивают о том, «как скоро Россия сравняется с Северной Кореей», я отвечаю, что для начала ей нужно догнать Южную. Это касается, например, очень жестких законов о национальной безопасности, ограничении свободы слова в Интернете и целого ряда иных вопросов.

Среди определенной группы российских либералов существует культ Пиночета, который я никогда не понимал. Потому что если сравнивать его с Пак Чжон Хи, с точки зрения как начальной, так и конечной ситуации, успешность Пака по выходу из кризиса несоизмеримо больше. Возможно, дело здесь в том, что, в отличие от Пиночета, речь идет не о неолиберальной модели и рекомендациях «чикагских мальчиков», а о совсем иной системе управления, включавшей в себя, например, пятилетние планы экономического развития, пусть и не директивные, а индикативные.

Целый ряд элементов корейского опыта, включая пропаганду чувства национальной гордости, укрепление национального самосознания национального духа, установление основ здоровой национальной этики и даже отношение к «правильному пониманию нашей истории», вполне может стать предметом дискуссии на Бердяевских чтениях с точки зрения того, что и как может быть заимствовано и творчески применено в текущей российской ситуации.

Здесь, правда, есть одна важная деталь, касающаяся национализма, который во многом послужил основой для мобилизации корейской нации. В Корее как мононациональном государстве национализм и патриотизм во многом накладываются друг на друга, и это даже вызывает некоторые негативные явления вроде пресловутого «мелкодержавного шовинизма». У нас процесс национальной самоидентификации человека не обязательно равен его этнической принадлежности, и игры с этнократией представляются мне весьма опасными.

Идеология национального субъективизма, как и сам процесс разработки этой концепции, заслуживает очень внимательного изучения, особенно на фоне неудавшейся, на мой взгляд, попытки изобрести российский вариант «чучхесон» в лице концепции суверенной демократии. Представляется, один из источников проблемы был в том, что, пытаясь сформулировать особенный российский путь развития, авторы концепции не сумели ответить на вопрос, в чем именно заключается та российская эндемика и та традиционная база, которая отличает Россию от стран Запада и формирует ее особый путь. К тому же российское общество гораздо менее патриархально, и власть традиции в нем близка к нулю. Плюс не всегда ясно, что считать традицией, – то ли дореволюционные ценности, которые нам в основном известны по литературным штампам, то ли наследие советского времени, в котором выросла и жила большая часть населения страны.

К данному блоку автор отнес бы еще две темы. В первую очередь это вопрос о том, всегда ли плох авторитаризм. Распространенная в последнее время точка зрения вообще отказывает этому варианту построения общества в праве на существование. Между тем корейский опыт дает важный пример соотношения демократии и модернизации: такие особенности авторитарной системы, как высокое быстродействие, дисциплина или способность быстро перебрасывать силы и ресурсы, хорошо подходят для управления в кризисной ситуации.

Иное дело, что «есть гражданские методы управления во время мира и военные во время войны», и их не стоит смешивать. Когда чрезвычайная ситуация заканчивается, необходимо постепенно перейти к более мягкой модели управления. Задержка этого процесса чревата перерождением в диктатуру, а сохранение авторитаризма вне чрезвычайной ситуации может принести не меньше проблем, чем проявление либерализма во время войны или острого социального кризиса. История последних лет Пак Чжон Хи (застреленного в итоге собственным начальником ЦРУ) показывает, как легко можно, начав с авторитарных мер, скатиться к тоталитаризму.

Также перед нами стоит чрезвычайно важный вопрос о том, возможно ли воплощение западной демократии в полном объеме в странах иного культурного региона и является ли эта демократия универсальной системой, показанной к применению на всех континентах вне зависимости от региональных реалий.

Для осуществления в стране демократических преобразований на более высоком уровне, чем механическое заимствование западных институтов, необходимо появление определенного типа ментальности населения и соответствующего типа политической культуры. Насаждение демократии экспресс-методом в надежде получить в течение трех лет то, к чему цивилизованная Европа шла десятилетиями, чревато тем же, чем попытки тянуть ростки вверх, чтобы ускорить получение урожая. При этом в дальневосточном случае высокий риск изначального недопонимания привносимых извне ценностей связан не просто с неверной интерпретацией западной идеологии, а с подменой понятий, происходящей вследствие особенностей «иероглифического» перевода терминологии.

Третий блок уроков связан, на мой взгляд, с текущим противостоянием Севера и Юга. Здесь вначале отметим «необычную» (с точки зрения некорееведов) устойчивость северокорейского режима. Вот уже двадцать с лишним лет западные аналитики утверждают, что он «распадется через два-три года», а он живет. Возможно, нам стоит поучиться у Севера умению отстаивать свой суверенитет в условиях более чем жесткого давления, противостоять неоглобализму Вашингтона, защищая свои национальные интересы. И попробовать поискать ответ на вопрос, отчего в условиях экономического кризиса КНДР до сих пор не взорвалась. Не менее интересным для нас может быть и то, как будет выглядеть северокорейская перестройка в дальнейшем. Перемены там идут, пусть и медленно, и нынешняя Северная Корея отнюдь не «заповедник сталинизма 1950-х». Если Ким Чен Ыну удастся найти свой вариант модернизации, этот опыт может оказаться очень любопытным уроком.

Однако в основном хочется обратить внимание на опасные тенденции, которые связаны с ситуацией, когда идеология и пропаганда начинают подменять собой аналитику. Полагаю, аудитория минимально знакома с целой серией «шокирующих новостей» о КНДР, и я не знаю только, какая часть разоблачений этих душераздирающих сюжетов о «расстреле из миномета собаками» дошла до присутствующих здесь. Но при попытке размотать истоки данной новости, обычно всё упирается в «анонимный источник сообщил корреспонденту нашей (ангажированной) газеты, что...». На Западе есть термин «закон Стоунфиша», который заключается в том, что практически любой бред, который будет посвящен Северной Корее (даже если это новость о том, что там перебили всех котиков), найдет свою целевую аудиторию. Во-первых, потому что для демонизации противника сгодится и это; во-вторых, потому что проверять подлинность новости в закрытой стране действительно тяжело, в то время как образ Северной Кореи в сознании редактора (сформированный в том числе и предыдущими новостями такого рода) вполне допускает мысли о том, что при данном режиме и такое возможно. В-третьих, люди любят горячие новости, которые хорошо распространяются и привлекают трафик.

Можно сказать, что западные и южнокорейские пропагандисты идут по легкому пути и лепят из Северной Кореи образ, взятый из массовой культуры, особенно, из такого жанра, как комикс, отчего представление о Северной Корее в массовом сознании становится совершенно мифологизированным.

Возможно, это годится для пропаганды, но, во-первых, когда «мультипликационная реальность» оказывается слишком мультипликационной, она становится не объектом сопереживания, а объектом стёба и издевательств, не отличаясь в итоге от истории пастушка, который слишком часто кричал: «Волки!».

Вторая проблема ещё хуже, поскольку искаженный образ КНДР начинает утверждаться не только в умах рядовых обывателей, но и в головах лиц, принимающих решения, и даже у самих пропагандистов. А это значит, что стратегии реальной политики, которые теоретически должны быть построены на понимании оппонента, вместо этого строятся, исходя из сложившегося образа, а попытки специалистов или людей, которые там были, объяснить, что всё несколько не так, натываются на возмущение, потому что «И так всем всё понятно, что там происходит!».

А теперь обратите внимание на то, как выглядит подача новостей о современной Украине. Сюжеты про «распятых мальчиков» или новости категории «в деревне Гадюкино враги изнасиловали всех собак» получили широкое распространение. Это опасно не только потому, что деактивировать последствия взаимной демонизации значительно сложнее, чем ее разжечь, но и потому, что подобные вещи ослепляют государство и ведут его по ложному пути, предлагая, грубо говоря, противодействовать не реальным Соединенным Штатам, а «тупым пиндосам» из собственных пропагандистских мифов.

В данном контексте четвертый урок корейской истории может заключаться в том, как важно объективно изучать окружающий мир. В начале XX века искаженный образ Кореи как полностью коррумпированной и бедной страны, не способной к самостоятельному развитию, во многом повлиял на то, что и протекторат, и аннексия страны Японией прошли при практически полном невмешательстве внешнего мира. В 1945 году раскол страны по 38-й параллели, совершенно неестественный со всех точек зрения, был во многом связан с тем, что в Соединенных Штатах на тот момент специалистов по Корее практически не было, а в Советском Союзе старая гвардия корееведов попала под репрессии, а новая еще не успела сформироваться, чтобы предостеречь. В итоге два подполковника армии США должны были решить проблему за тридцать минут и по глобусу (точнее карте National Geographic). Предложенное ими решение было по своим итогам именно таким, каким бывает решение, принятое за полчаса двумя некомпетентными людьми. Представьте себе, что мы проведем линию через Бологое и скажем: есть Северная Россия и столица Питер, и Южная Россия и столица Москва.

Одним из важных направлений форума «Бердяевские чтения» я считаю, попытки изучать иной опыт и иные модели, с тем чтобы попытаться извлечь из них уроки и перенять полезное. Не менее важно, что в поисках подобных ориентиров или уроков мы смотрим не только на Запад, но и на Восток. Буду рад, если мое выступление заставит кого-то задуматься или сформирует задел для более подробного и серьезного обсуждения какого-либо из тех аспектов, на которых я остановился.

Аннотация. Как специалист по истории Кореи, автор выделяет в корейской истории ряд моментов, способных служить уроками для России с точки зрения правильного проведения модернизации или развития идеологии.

Ключевые слова: история Кореи, модернизация, идеология, уроки истории.

Konstantin Asmolov, Ph.D. in History, Professor, College of Asian and African Studies (Moscow State University). E-mail: kvasm@mail.ru

Lessons from Korean History of the 19th and 20th Century for Modern Russia to learn

Abstract. The author, who has considerable expertise in Korean history, highlights certain aspects in Korean history, which can teach Russia valuable lessons about well-run modernization and ideology evolution.

Keywords: Ideology, Modernization, History of Korea, Lessons of History.

М.В. Ремизов. Думаю, одной из целей таких обсуждений является как раз предотвращение раскола на патриотов и прогрессистов, о котором сказал применительно к Корее наш докладчик. Раскол, действительно, является одним из факторов неразвития. Нам нужны патриоты-прогрессисты.

В последние 10–15 лет для экономистов и для специалистов по международной политике одной из ключевых тем стал Китай. Всё более остро стоит вопрос о том, сможет ли он переориентироваться на стратегию развития с опорой на внутренний рынок, на внутренний спрос, на стратегию развития с опорой на до-

вольно широкий средний класс. Это продекларировано китайским руководством, насколько мы можем судить. И к этому подталкивает глобальная ситуация, когда, с одной стороны, спрос снижается на глобальном уровне, а с другой – западные страны идут по пути реиндустриализации, стараются больше производить у себя то, что они потребляют. Возможно, декларируемая в Китае верность социалистическим принципам может оказаться своего рода ресурсом для создания экономики, ориентированной на внутренний спрос и на широкий средний класс. Насколько это получится, какие здесь перспективы?

